

Введение.

Какое значеніе для современности можетъ имѣть изученіе досократическихъ мыслителей? Съ какихъ точекъ зрѣнія и въ какихъ отношеніяхъ представляютъ они интересъ для насъ?

На значеніе изученія древнихъ мыслителей впервые указалъ Лейбницъ, который, исходя изъ убѣжденія, что „истина болѣе распространена, чѣмъ думаютъ“, но слишкомъ часто она является въ прикрашенномъ, скрытомъ и искаженномъ чуждыми ей добавленіями видѣ, требовалъ, чтобы, обратившись къ древнимъ мыслителямъ, „извлекали золото изъ грязи, алмазъ изъ его рудника, свѣтъ изъ тьмы“. „Это была бы, подлинно, нѣкая вѣчная философія (*perennis quaedam philosophia*)“ говоритъ онъ ¹⁾.

Затѣмъ Гегель дѣлаетъ исторію философіи частью самой системы философіи и указываетъ на непреходящее значеніе каждой формы развитія мысли: она есть необходимый моментъ въ развитіи мышленія и во всякой высшей философской системѣ. Подъ вліяніемъ Гегеля повышается интересъ къ исторіи философіи вообще и открывается новый періодъ въ изученіи ея.

Вторая половина девятнадцатаго вѣка характеризуется въ области философіи уже такимъ развитіемъ историческихъ изслѣдованій, что, по сравненію съ ними, теоретическія построенія отступаютъ на задній планъ. Однако, думается, такое положеніе вещей должно считать временнымъ явленіемъ. Расцвѣтъ историко-философскаго изслѣдованія, обогативъ современную мысль, приведетъ къ созданію новыхъ всеобъемлющихъ системъ.

Исторія философіи научаетъ насъ *искать истину* и въ этомъ отношеніи изученіе *древней* философіи имѣетъ особенную цѣну „Поелику можно только навывкнуть философствовать, а не изучиться философіи“, справедливо пишетъ А. Галичъ ²⁾, „то исканіе истины часто настави-

¹⁾ Цит. у J. Degérando. *Histoire comparée des systèmes de philosophie*, II изд., 1822. t. I, стр. 54.

²⁾ Исторія философскихъ системъ, 1818, стр. 9—10.

тельнѣе самаго обрѣтенія оной. Древніе представляли себѣ многія задачи явственнѣе, испытывали рѣшеніе тщательнѣе, радовались своей находкѣ искреннѣе: мы же, богатые мудростью, бѣдны наслажденіемъ; часто на рукахъ нянекъ и пестуновъ отучаемся отъ употребленія собственныхъ членовъ; пропускаемъ мимо глазъ многія трудности.... Философія, какъ и все прочее, имѣетъ отъ времени до времени нужду въ освѣженіи, и сіе освѣженіе должно происходить изъ собственнаго ея нѣдра, а къ тому и служить философія древнихъ... Наипаче же она служить сильнымъ предохранительнымъ врачевствомъ отъ мелочной односторонности, педантическаго высокомѣрія и суроваго догматизма, который часто ускользаетъ и отъ самаго лжеименнаго скептика“. Особенно поучительнымъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ является изученіе начатковъ греческой философіи, когда впервые дѣлаются попытки охватить мыслью вселенную, между тѣмъ какъ въ послѣдующіе вѣка человеческая мысль движется уже въ установившихся рамкахъ, болѣе или менѣе обусловленныхъ ея прошлымъ развитіемъ. Въ досократическомъ періодѣ мы имѣемъ дѣло съ зарождающеюся наукой, не обладающею еще умственнымъ капиталомъ: здѣсь мысль дѣлаетъ *первыя* сознательныя попытки овладѣть вселенной и *впервые* пробивается на свѣтъ черезъ миѳологическую оболочку примитивнаго міровоззрѣнія. Отсюда понятенъ особый интересъ, проявляемый къ этому періоду развитія мысли. „Новымъ открытіемъ настоящаго полустолѣтія, читаемъ въ американскомъ философскомъ журналѣ,¹⁾ является положеніе что путь къ изученію философіи есть изученіе ея исторіи и особенно ея генезиса. Увлеченіе началами направило интересъ на греческую философію и въ заключеніе привело къ начаткамъ греческой философіи“.

Но изученіе досократическаго періода важно не только съ вышеописанной точки зрѣнія. Необходимо принять во вниманіе также *преобладающее значеніе идей греческой философіи*, которое особенно выдвинулъ Густавъ Тейхмюллеръ, основатель новаго направленія въ исторіи философіи, ставящаго своей задачей исторію понятій въ отличіе отъ исторіи системъ.²⁾ Наконецъ, необходимо отмѣтить и преобладающее значеніе самыхъ древне-греческихъ *системъ, какъ таковыхъ*, заключающееся въ ихъ типическомъ свойствѣ. На это типическое значеніе греческихъ философскихъ системъ указалъ уже Фр. Ницше. „Греки изобрѣли, — говоритъ онъ³⁾, — типы философскихъ умовъ, и все дальнѣйшее потомство не прибавило къ этому ничего существеннаго...“

¹⁾ The American Journal of Psychology 1883, v. I, n. 4, стр. 631.

²⁾ О значеніи Г. Тейхмюллера, какъ основателя новаго направленія въ исторіи философіи см. Benn The greek philosophers 1882 t. I, стр. XVIII, и Э. Радловъ. Очеркъ исторіографіи исторіи философіи. (Вопросы Философіи и Психологіи, кн. 49, стр. 376—377).

³⁾ Фр. Ницше. Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 326 р. п. См. также R. Oehler. Friedrich Nietzsche und die Vorsokratiker 1904.

Каждый народъ будетъ посрамленъ, если ему укажутъ на такое идеальное общество философовъ, какъ древнегреческіе учителя — Фалесъ, Анаксимандръ, Гераклитъ, Парменидъ, Анаксагоръ, Эмпедоклъ, Демокритъ и Сократъ“. Объ этомъ же говоритъ В. Вундтъ: „Исторія показываетъ намъ, что уже въ сравнительно раннее время развились основныя черты тѣхъ міровоззрѣній, между которыми еще и въ настоящее время движется метафизическое мышленіе. Поэтому, хотя древніе уже давно не служатъ для насъ образцомъ ни въ одной какой-нибудь отдѣльной области природы или исторіи, за исключеніемъ искусства изображенія, въ философіи они по-прежнему наши учителя, и именно потому, что чѣмъ болѣе сравнительно упрощены внѣшнія условія знанія по содержанию и объему—тѣмъ яснѣе выступаютъ общіе мотивы основныхъ міровоззрѣній.“¹⁾ О типическомъ свойствѣ античнаго мышленія говорятъ также В. Виндельбандъ²⁾ и проф. Александръ Введенскій,³⁾ которые проводятъ даже аналогію между общимъ ходомъ развитія древне-греческой и новой европейской философіи. Эта аналогія оказывается, однако, поверхностной.

Что касается оцѣнки досократическихъ мыслителей, то мы упомянемъ, что, исходя изъ разныхъ точекъ зрѣнія, Фр. Ницше, Дюрингъ, Т. Гомперцъ, Нестле и др. отдають имъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ предпочтеніе предъ позднѣйшими греческими мыслителями. Такъ, по Дюрингу, только досократики (до софистовъ) являются подлинно оригинальными мыслителями, послѣ нихъ оригинальныя мысли были высказаны только въ области морали. Наивысшую оригинальность у досократиковъ находить также Фр. Ницше.

Высокое мѣсто занимають досократики и въ исторической концепціи Гербарта, по вычисленію котораго философія насчитываетъ всего не болѣе 400 лѣтъ своего развитія (200 лѣтъ въ древнее и 200 въ новое время). „Философія процвѣтала,—говоритъ онъ,⁴⁾—отъ Анаксимандра до Аристотеля... и отъ Декарта до нашего вѣка... Итакъ, если угодно, дадимъ ей четыре вѣка (жизни)...“ Въ изложеніи Т. Гомперца, стоящаго на точкѣ зрѣнія естественно-научнаго эмпиризма, досократическій періодъ является самымъ плодотворнымъ и наиболѣе цѣннымъ изъ всѣхъ періодовъ развитія греческой мысли. Но наиболѣе трезвую оцѣнку досократическимъ мыслителямъ даетъ В. Нестле. „Не слѣдуетъ, — говоритъ онъ,⁵⁾ — смотрѣть на досократическую философію, какъ на простую прелюдію къ философской трилогіи, созданной

¹⁾ Философія въ систематическомъ изложеніи, р. п. 1909. Метафизика, стр. 111.

²⁾ Въ *Prolegomena* къ своей исторіи древней философіи.

³⁾ Въ предисловіи къ русскому переводу книги Таннери.

⁴⁾ I. Herbart. *Sämmtl. Werke*, hrg. v. Hartenstein, XII Bd., стр. 270. См. также М. Walther. *Herbart und die vorsokratische Philosophie* 1908.

⁵⁾ W. Nestle. *Die Vorsokratiker*, 1908, стр. 20—21.

Сократомъ, Платономъ и Аристотелемъ. Уже тотъ фактъ, что стоя возвращається къ Гераклиту, эпикуреизмъ къ Демокриту, скепсисъ къ элеатамъ и софистамъ, опровергаетъ мнѣніе, будто бы съ возникновеніемъ Платоновской и Аристотелевской системъ досократическіе мыслители разъ навсегда были опровергнуты и разъ навсегда съ ними было покончено. Скорѣе дѣло идетъ о двухъ разныхъ видахъ философствованія... Нѣкоторые изъ досократиковъ стоятъ ближе къ современной мысли и чувству, чѣмъ Платонъ и Аристотель.“

Для тѣхъ, кто присоединится къ положительной оцѣнкѣ досократической мысли, изученіе ея, согласно прекрасному выраженію Густава Тейхмюллера объ исторіи философіи, будетъ служить не только дѣлу „ориентировки относительно хода развитія нашихъ понятій,“ но также содѣйствовать выработкѣ теоретическаго міровоззрѣнія „какъ поле наблюденія, какъ своего рода экспериментъ и контроль надъ изслѣдованіемъ.“¹⁾

Но и для тѣхъ, кто склоненъ видѣть въ начальномъ періодѣ исторіи мысли лишь исторію заблужденій, изученіе его можетъ представить интересъ съ другой точки зрѣнія. Такъ, С. Глинка²⁾, слѣдуя Кондильяку, пишетъ: „Повидимому, заблужденія ума человѣческаго едва ли достойны вниманія. И въ самомъ дѣлѣ, для чего въ сихъ изслѣдованіяхъ терять время, которое бы можно употребить для приобрѣтенія истинныхъ свѣдѣній?.. Познавать мнѣнія для однихъ только мнѣній есть самый ничтожнѣйшій предметъ.“ Но далѣе онъ указываетъ, какое положительное значеніе можетъ имѣть изученіе этихъ „мнѣній“: „Ими заниматься должно такъ, какъ мореходецъ поучается кораблекрушеніями предшественниковъ своихъ... Не зная, какъ прежде насъ разсуждали, мы бы начали разсуждать худо... Предложивъ начертаніе различныхъ мнѣній, я доставлю вамъ въ нѣсколько дней опытъ многихъ вѣковъ.“ Подобный же взглядъ на изученіе древнихъ мыслителей высказываетъ Г. Майеръ: „Повидимому, почти законъ человѣческой природы — что она находитъ истину лишь послѣ того, какъ ея будутъ исчерпаны всѣ заблужденія.“³⁾ Только съ этой точки зрѣнія, по его мнѣнію, можно правильно оцѣнить связь между прежней работой мысли и современной.

Истина едина, но безконечны историческія формы ея обнаруженія, всегда неизбѣжно несовершенныя. Стѣдуя Лейбницу, станемъ отыскивать у досократиковъ лучи „вѣчной философіи“ и въ то же время, по совѣту Кондильяка, будетъ на нихъ изучать заблужденія человѣческаго ума Будемъ помнить, что старыя идеи въ философіи и наукѣ *всегда живы* и что за пренебреженіе къ-себѣ онѣ мстятъ тѣмъ, что входятъ въ совре-

1) G. Teichmüller. Studien zur Gesch. d. Begriffe, 1874, стр. III.

2) С. Глинка. Исторія ума человѣческаго отъ первыхъ успѣховъ просвѣщенія до Эпикура, 1804, стр. 11.

3) G. Mayer. Heraklit v. Eph. u. A. Schopenhauer, 1886, стр. 5.

менную мысль не своей цѣнной вѣчной стороною, но стороною отрицательной,—въ формѣ повторенія старыхъ ошибокъ.

Во введеніи къ первой части „Досократиковъ“ мы считали бы умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ *объ открытіи В. Рошера*. Послѣдній произвелъ рядъ тщательныхъ изслѣдованій о значеніи чиселъ въ религиозныхъ обрядахъ и вѣрованіяхъ древнихъ грековъ, а также въ ихъ медицинѣ и философіи.¹⁾ Въ изслѣдованіи: „Ученія греческихъ философовъ и врачей о числѣ 7“²⁾ (1906 г.) В. Рошеръ впервые высказалъ мысль, что въ приписываемомъ Гиппократу сочиненіи: „О числѣ 7“ (*περὶ ἑβδομάδων*) первыя 11 главъ очень древняго происхожденія, а именно, по его мнѣнію, ихъ должно отнести къ допифагорейскому времени: это—отрывокъ философскаго сочиненія древне-милетской школы (временъ Анаксимандра и Анаксимена). Позже В. Рошеръ вернулся къ этому вопросу въ двухъ сочиненіяхъ: „О времени, происхожденіи и значеніи Гиппократовскаго сочиненія о числѣ 7“³⁾ и „Новооткрытое сочиненіе древне-милетскаго натурфилософа VI вѣка до Р. Хр.“⁴⁾. Полный греческій текстъ обсуждаемаго В. Рошеромъ сочиненія погибъ въ 1671 году, когда сгорѣла послѣдняя сохранившаяся рукопись греческаго оригинала. Въ настоящее время мы имѣемъ сохранившійся въ весьма испорченномъ видѣ отрывокъ греческаго оригинала, заключающій первыя пять главъ, нѣсколько цитатъ у Филона, Галена и др., полный латинскій переводъ VI вѣка (*весьма испорченный*) и цѣнный арабскій переводъ всего сочиненія (XI вѣка)⁵⁾. На основаніи этого матеріала В. Рошеръ реставрируетъ первыя одиннадцать главъ, принадлежащія, по его мнѣнію, древнемилетскому натурфилософу. Слѣдуя ему, даемъ русскій переводъ этого сочиненія.

¹⁾ W. H. Roscher. Die enneadischen und hebdomadischen Fristen und Wochen d. ältest. Griechen 1903. Die 7—und 9—Zahl im Kultus und Mythos d. Griechen 1904. Die Hebdomadenlehren der Griechischen Philosophen und Aerzte 1906. Enneadische Studien 1907.

²⁾ Въ «Abhandl. d. phil.—hist. Kl. d. Kgl. Sächs. Gesellsch. d. Wiss.» 24, 1906.

³⁾ Ueber Alter, Ursprung und Bedeutung der Hippokratischen Schrift von der Siebenzahl, 1911 (въ «Abhandl. d. phil.—hist. Kl. d. Kgl. Sächs. Gesellsch. d. Wiss.», 28 Bd. Здѣсь перепечатаны всѣ относящіяся къ этому сочиненію дошедшіе до насъ первоисточники (арабскій текстъ приведенъ въ нѣмецкомъ переводѣ).

⁴⁾ Die neu entdeckte Schrift eines altmilesischen Naturphilosophen d. 6 Jahrh. v. Chr. («Memnon», Bd. V, Heft 3—4, 1911; здѣсь же въ приложеніи данъ отвѣтъ на критику Г. Дильса: W. Roscher. Meine Rechtfertigung gegenüber der Diels'schen Kritik in der D. Lit. Ztg.).

⁵⁾ Нѣмецкій переводъ послѣдняго далъ Chr. Harder въ «Rheinisch. Museum» 48, 1893, со стр. 434.

Прологъ (общія замѣчанія о значеніи числа 7). Глава I a „Вселенная и всѣ отдѣльныя части ея имѣютъ слѣдующее устройство. Все должно и по внѣшней формѣ и по своей внутренней сущности проявлять число 7. Такъ, на примѣръ, человѣческое сѣмя сгущается въ твердую массу и пріемлетъ человѣческій образъ и сущность человѣка по истеченіи 7 дней, и то же самое число (*время*) опредѣляетъ продолжительность болѣзней и всѣхъ разрушительныхъ процессовъ, совершающихся въ органическомъ тѣлѣ. Точно такъ же и всѣ остальные вещи обладаютъ седмичной природой, формой и порой своего завершенія. Такъ какъ это число управляетъ міромъ, какъ цѣлымъ, то и каждая отдѣльная часть послѣдняго имѣетъ такую форму и устройство, которыя обнаруживаютъ вліяніе числа 7“. Повидимому, въ этомъ отрывкѣ пробѣлъ, какъ можно заключить изъ цитаты Фавонія Евлогія (источникомъ котораго служилъ Посидоній) въ его комментаріи къ сочиненію Цицерона: „Сонъ Сципіона“ р. 9: „Гиппократъ Косскій... въ книгахъ, носящихъ названіе: „О числѣ семи“ утверждаетъ, что это число 7 лежитъ въ основѣ рожденія тѣлъ; ибо вылитое и принятое теплотою матери сѣмя превращается въ тѣло на седьмой день, образованіе его заканчивается въ седьмомъ мѣсяцѣ и большею частью плодъ достигаетъ надлежащаго исчисленія мѣсяцевъ; и зубы у младенцевъ начинаютъ прорѣзываться съ седьмого мѣсяца и смѣняются на седьмомъ году; на четырнадцатомъ (2×7) году начинается зрѣлость, на двадцать первомъ (3×7) вырастаетъ пушокъ на подбородкѣ у юношей“. Вѣроятно, передъ Посидоніемъ лежалъ болѣе полный текстъ сочиненія: „О числѣ 7“.

Космологія (семь сферъ вселенной). Глава I b: „Первое изъ всѣхъ мѣсто принадлежитъ абсолютно чистой міровой субстанціи (*т. е. эѳиру*) изъ которой возникаютъ лѣто и зима (*т. е. тепло и холодъ*); второе мѣсто занимаетъ отраженіе звѣздъ и ихъ самый горячій и самый тонкій свѣтъ; третье мѣсто—путь (=сфера) знойнаго солнца; четвертое мѣсто—луна, которая восходитъ или заходитъ и то, прибавляясь, совершенствуется (живыя существа) (*т. е. способствуетъ ихъ росту и развитію*), то, убавляясь, уменьшаетъ ихъ (*т. е. вызываетъ ихъ ослабленіе и истощаніе*)¹⁾. Пятую міровую сферу образуетъ воздушная субстанція, которая порождаетъ дожди, молніи, громъ, снѣгъ, градъ и т. д.; шестую—влажный элементъ моря, ключей, источниковъ и озеръ и обитающая въ нихъ теплота, которая выводитъ влажность и вслѣдствіе этого орошаетъ; седьмую — сама земля, на которой находятся животныя и растенія; она

²⁾ Весьма древнее, повсемѣстно распространенное представленіе о вліяніи фазъ луны на живыхъ существъ. Какъ доказываетъ В. Рошеръ, самая вѣра въ значеніе числа 7 основана на этомъ представленіи о сильномъ вліяніи луны и ея смѣняющихся каждые семь дней фазъ на всю жизнь земли и ея обитателей.

есть всеобщая кормилица и возникла изъ воды. Такъ, стало быть, число 7 служить основаніемъ устройства міровъ вселенной“.

Въ приведенномъ отрывкѣ дается ученіе о семи сферахъ вселенной: 1) сфера чистаго ээира, 2) сфера звѣздъ, 3) сфера солнца, 4) сфера луны, 5) сфера воздуха, 6) сфера воды и 7) сфера земли. Особеннаго вниманія здѣсь заслуживаетъ примѣненіе понятій разрѣженія и сгущенія.

Комментаріи Галена разъясняютъ намъ данное здѣсь ученіе о *первой сферѣ*. *Галенъ fol. 2 v.*: „Гиппократъ разумѣетъ подъ этимъ міровое пространство, прилегающее къ самому крайнему небесному кругу; оно неподвижно и есть абсолютный огонь. Оно находится по ту сторону (всего остального) міра, и изъ него выдѣлились части міра. Но оно само не раздѣлено болѣе. Оно называется ээиръ“. *Галенъ fol. 3 r.*: Для объясненія можетъ служить примѣръ: правда, земля носитъ того, кто на ней движется, однако, она не есть причина его движенія. Точно такъ же и небесный кругъ лишь постольку является причиной лѣта и зимы, поскольку въ немъ находится зодіакъ и звѣзды—собственныя причины временъ года“. *Галенъ fol. 8 r.*: „Олимпійскій міръ есть пространство, наполненное абсолютно чистой субстанціей огня. Гомеръ (VII 42 слѣд.) упоминаетъ его и говоритъ, что отъ него не поднимается никакого испаренія, на него вовсе не падаетъ дождь, и на немъ (всегда) паритъ ослѣпительный чистый блескъ“.

Къ ученію о второй сферѣ *Галенъ fol. 3 v.*: „Звѣзды, получая свѣтъ отъ солнца, становятся свѣтопосными и вслѣдствіе этого воспринимаемыми. Густота ночи не позволяетъ нашимъ взорамъ проникнуть (черезъ нее), но свѣтомъ звѣздъ она разрѣжается и (тогда) возможно глазу проникнуть черезъ нее“.

Къ ученію о третьей сферѣ *Галенъ fol. 3 v.*: „Солнце, обладатель теплоты“.

Къ ученію о четвертой сферѣ *Галенъ fol. 4 v.*: „Если луна удаляется отъ солнца, то она поднимается и прибавляется, а если она приближается къ нему, то она опускается и убавляется. Справедливо Гиппократъ удѣляетъ лунѣ четвертое мѣсто между частями вселенной, ибо, подобно тому какъ 4 образуетъ середину числа 7, такъ и луна находится посрединѣ небесныхъ и земныхъ вещей“.

Къ ученію о пятой сферѣ *Галенъ fol. 4 v.*: „Паръ и туманъ поднимаются отъ земли и моря, отъ озеръ и рѣкъ, болѣе всего зимою, такъ какъ тогда земля тепла. Въ воздухѣ они сгущаются и скучиваются въ облака. Если послѣднія стануть тереться другъ о друга, то возникаютъ вѣтры, которые изъ узкихъ промежутковъ съ громадной силой несутся внизъ и такимъ образомъ производятъ громъ. Затѣмъ слѣдуетъ ливень, скорѣе всего въ томъ случаѣ, если воздухъ холоденъ, слѣдовательно, зимою“.

Глава II.: „Міры, находящіеся подъ землею, равны по числу и подобны по формѣ мірамъ, находящимся надъ ней. Они движутся сами со-

бой по идущимъ вокругъ земли круговымъ линіямъ. Поэтому земля и олимпійскій міръ обладаютъ свойствомъ неподвижности, между тѣмъ какъ все остальное находится въ круговомъ движеніи. Въ серединѣ же міра находится земля, которая, будучи внутри и сверху влажной отъ воды, паритъ въ воздухѣ, такъ что то, что для однихъ находится внизу, для другихъ находится вверху и наоборотъ, и что для однихъ—направо, то для другихъ—налѣво. Сказанное приложимо ко всѣмъ мѣстамъ вокругъ земли. Земля же, образующая центръ (вселенной), и олимпійскій міръ, образующій самую высшую сферу, неподвижны“.

„Луна же, которая носится посрединѣ (семи сферъ), соединяетъ гармонически всѣ остальные вещи, которыя живутъ одна на счетъ другой и переходятъ другъ въ друга. Все всегда движется само по себѣ легко и непрерывно. Небесныя звѣзды, которыя въ числѣ семи имѣютъ цѣлью принуждать времена года слѣдовать другъ за другомъ... За луною слѣдуетъ солнце, за солнцемъ слѣдуетъ луна, за Большой Медвѣдицей слѣдуетъ Арктуръ¹⁾, подобно тому какъ луна за солнцемъ. Плеяды²⁾ слѣдуютъ за Гіадами³⁾, Сиріусъ за Оріономъ. Эти звѣзды слѣдуютъ другъ за другомъ и взаимно противоположны для того, чтобы заставляли времена года слѣдовать другъ за другомъ и производить ихъ смѣну“.

Ученія, данныя въ приведенной второй главѣ сочиненія: „о числѣ 7“, сводятся къ слѣдующему: 1) земля находится въ центрѣ міра, лежитъ неподвижно, окруженная со всѣхъ сторонъ воздухомъ, и имѣетъ форму шара (въ связи съ этимъ дается ученіе объ антиподахъ); 2) сфера луны занимаетъ среднее положеніе между землей и небомъ (т. е. это—четвертая по порядку изъ семи сферъ вселенной); 3) кромѣ неподвижныхъ земли и олимпійскаго міра, всѣ остальные сферы совершаютъ вѣчное круговое движеніе; 4) смѣна временъ года зависитъ отъ небесныхъ свѣтилъ, причемъ, по мнѣнію В. Рошера, необходимо здѣсь вычеркнуть луну, которая опредѣляетъ мѣсяцы и недѣли, а не времена года: по исключеніи луны, и въ этой области будетъ проведено господство числа 7⁴⁾.

Комментарій Галена fol. 8 v: „Земля подобна точкѣ въ центрѣ міра. Въ этомъ положеніи она удерживается дѣйствіемъ окружающаго (ее) небеснаго круга, такъ что она не въ состояніи наклоняться ни въ какомъ направленіи“. *fol. 10 r:* „Элементы переходятъ другъ въ друга и носятъ названіе по субстанціи, которая находится въ отдѣльныхъ (элементахъ) въ наибольшемъ количествѣ. Такъ въ землѣ находится также вода,

¹⁾ Арктуръ (собственно значить „стражъ Медвѣдицы)—звѣзда въ созвѣздіи Боота.

²⁾ Плеяды—группа изъ семи звѣздъ въ знакѣ Тельца.

³⁾ Гіады (собственно „дождливыя“)—созвѣздіе изъ семи звѣздъ, съ восходомъ которыхъ обыкновенно начиналась дождливая погода.

⁴⁾ Т. е. семью свѣтилами, опредѣляющими времена года, будутъ 1) солнце, 2) Большая Медвѣдница, 3) Арктуръ, 4) Плеяды, 5) Гіады, 6) Оріонъ, 7) Сиріусъ.

воздухъ и огонь, однако преобладаетъ земля и такимъ образомъ она даетъ элементу названіе. *fol. 10 v*: „Элементы же возникаютъ другъ изъ друга, съ одной стороны, черезъ сгущеніе—огонь, воздухъ, вода, земля—съ другой стороны, черезъ разрѣженіе въ обратномъ порядкѣ“.

Глава III. „О вѣтрахъ. Есть семь направлений вѣтровъ. Вѣтры дуютъ, періодически возвращаясь (соотвѣтственно смѣнѣ временъ года и служащихъ ихъ основаніемъ звѣздъ), движутся, несясь неподдающимся опредѣленію образомъ, и производятъ вдыханіе и оживляющее дуновеніе воздуха. Происхожденіе вѣтровъ указывается ихъ названіями: изъ теплой страны приходитъ Апеліотъ¹⁾, къ нему примыкаетъ Борей, далѣе слѣдуютъ Арктій, Зефиръ, Липсъ, Ноть, Эвръ. Эти вѣтры дуютъ въ опредѣленной временной послѣдовательности“.

Къ этому мѣсту *Галенъ fol. 14 v*: Часто вѣтры отклоняются отъ своего направленія, даже порой принимаютъ направленіе, противоположное первоначальному.—Гиппократъ представляетъ себѣ процессъ въ родѣ того, какъ мы вдыхаемъ воздухъ; и подобно тому какъ черезъ вдыханіе воздуха благотворно умѣряется внутренній, губительно дѣйствующій жаръ животнаго или растенія, точно такъ же и вѣтеръ дѣйствуетъ оживляющимъ образомъ“.

Въ приведенной третьей главѣ дается ученіе о періодической смѣнѣ вѣтровъ и принимаются слѣдующія направленія вѣтровъ: Апеліотъ O, Борей NO, Арктій N, Зефиръ W Липсъ SW, Ноть S и Эвръ SO (недостааетъ лишь Аргеста NW, отсутствіе котораго В. Рошеръ объясняетъ его незначительной ролью въ Іоніи и въ мѣстахъ плаванія милетцевъ). Здѣсь же мы встрѣчаемъ представленіе о дышащей вселенной. Необходимую для органическаго міра прохладу доставляетъ, по данному здѣсь ученію, атмосферическій воздухъ.

Глава IV: „О временахъ года. Временъ года—семь: время посѣва, зима, время посадки, весна, лѣто, время плодовъ, осень. Они отличаются другъ отъ друга слѣдующими (свойствами): не приносятъ плодовъ ни посѣвъ лѣтомъ, ни цвѣтеніе зимою, ни пусканіе ростковъ лѣтомъ, ни созрѣваніе зимою“.

Повидимому, времена года здѣсь ставились въ связь съ перемѣной вѣтровъ, какъ можно заключить изъ *Галена fol. 16 r*: „Гиппократъ даетъ дѣленіе года соотвѣтственно измѣненіямъ въ атмосферѣ: ибо перемѣны воздуха имѣютъ слѣдствіемъ также смѣну вѣтровъ и временъ года“. Къ ученію о временахъ года *Галенъ XVII A 17 слѣд.* (*Kühn*): „И всѣ тѣ, которые раздѣляютъ годъ на семь временъ, считаютъ лѣто до восхода созвѣздія Пса, а затѣмъ до (восхода) Арктура — время плодовъ. Они же и зиму дѣлятъ на три части, дѣлая серединой ея время вокругъ

¹⁾ Восточный вѣтеръ; Апеліотъ собственно значить „происходящій отъ солнца“ (ἀπὸ τοῦ ἡλίου).

солнцестояній. Времена же по ту и другую сторону ея (середины)—предшествующее ей время посѣва и другое слѣдующее за ней время посадки. Дѣло въ томъ, что они даютъ имъ такія названія. И, дѣйствительно, даже въ приписываемой Гиппократу книжкѣ: „О числѣ 7“ можно найти раздѣленіе года на семь (временъ), причемъ сохранены поздняя осень и весна, зима же раздѣлена на три части, лѣто же на двѣ“.

Глава V: „Возрастъ. Въ человѣческой природѣ есть семь временъ, которыя мы называемъ возрастами: младенецъ, отрокъ, юноша, молодой человѣкъ, мужчина, пожилой мужъ, старикъ. Младенческій возрастъ простирается до 7 года, до перемѣны зубовъ; отроческій возрастъ до 14 ($=2 \times 7$), до наступленія половой зрѣлости; юношескій возрастъ до 21 ($=3 \times 7$), до начала выростанія бороды; возрастъ молодого человѣка до 28 ($=4 \times 7$), до полного развитія тѣла; возрастъ мужчины до 49 ($=7 \times 7$), возрастъ пожилого мужчины до 56 ($=8 \times 7$) года. Съ этихъ лѣтъ человѣкъ называется старикомъ“.

Отдѣлъ о семи возрастахъ людей слѣдуетъ непосредственно за ученіемъ о семи временахъ года. Очевидно, имѣлось въ виду провести параллель между ступенями человѣческой жизни и временами года. Дѣленіе человѣческой жизни на семилѣтія — весьма древняго происхожденія. Въ дошедшей до насъ литературѣ грековъ оно впервые встрѣчается у Солона (въ элегіи). Послѣдній, опредѣляя нормальную продолжительность человѣческой жизни въ 70 лѣтъ, дѣлитъ ее на 10 періодовъ, по 7 лѣтъ каждый: 1) 1—7 лѣтъ, до перемѣны зубовъ; 2) 7—14 лѣтъ, до появленія признаковъ юношескаго возраста; 3) 14—21, до появленія пушка на подбородкѣ; 4) 21—28, расцвѣтъ физической силы; 5) 28—35, время вступленія въ бракъ и рожденія дѣтей; 6) 35—42, человѣкъ достигаетъ полного развитія своихъ умственныхъ силъ; 7) 42 — 49, время высшаго расцвѣта ума и рѣчи; 8) 49—56, сохраняется прежнее состояніе; 9) 56—63, силы слабѣютъ; 10) 63—70, человѣкъ уже старикъ и созрѣлъ для смерти. Мы видимъ, что во многихъ отношеніяхъ ученіе Солона совпадаетъ съ ученіемъ, даннымъ въ сочиненіи: „О числѣ 7“.

Глава VI а: „Тѣла (=люди, животныя) и деревья на землѣ по своему существу сходны со вселенной. Вслѣдствіе соответствія въ цѣломъ и части ихъ должны обнаруживать такой же составъ, какъ и части міра. Тѣла состоятъ изъ такихъ же по числу и сущности частей, какъ и міръ. — Земля тверда и неподвижна; въ своихъ каменныхъ плотныхъ элементахъ она подобна костямъ (I); здѣсь она неспособна къ движенію и страданію. То, что находится вокругъ нея, то расторгимо, подобно плоти (II) человѣка. Влажность и теплота въ землѣ подобна мозгу и сѣмени (III) человѣка. Вода въ рѣкахъ подобна крови (IV) въ жилахъ. Стоячія воды соотвѣтствуютъ жидкости, заключающейся въ мочевомъ пузырьѣ и въ заднемъ проходѣ, море — влажности во внутренностяхъ человѣка (V). Воздухъ же соотвѣтствуетъ дыханію (VI), луна — мѣстопробыванію ума (VII)“.

Глава VI b: „Теплота является въ человѣкѣ, какъ и въ мірѣ, въ двухъ мѣстахъ. Часть солнечныхъ лучей соединилась съ землей (*т. е. съ испареніями ея*); она подобна теплотѣ во внутренностяхъ и жилахъ человѣка. Напротивъ, теплота звѣздъ и солнца въ наивысшихъ областяхъ вселенной подобна подкожной теплотѣ. Теплота, которая имѣетъ свое мѣстопробываніе кругомъ въ тѣлѣ, своимъ быстрымъ движеніемъ производитъ перемѣну цвѣта кожи, подобно тому какъ тамъ можно видѣть подобную же дѣятельность Зевса (?)¹⁾. Арктуръ (?) имѣетъ отношеніе къ дѣятельности гнѣва въ человѣкѣ и питаетъ его, происходящаго изъ солнца (?). А безконечная пустота (=нераздѣляемая твердь), которая окружаетъ весь міръ, подобна внѣшней плотной кожѣ, возникшей благодаря холоду. Таковы по своему свойству цѣлое и каждая отдѣльная часть“.

Галенъ fol. 27 r: „Самый крайній, окружающій всю вселенную кругъ, который нераздѣляемъ, подобенъ покрывающей тѣло кожѣ. Твердость этой кожи происходитъ отъ окружающей холодной температуры“. *fol. 24 r:* „Подобно тому какъ умъ быстръ и проворенъ и подобенъ огню, такъ и луна, и подобно тому какъ луна освѣщаетъ предметы, такъ и мозгъ съ помощью чувствъ проникаетъ до вещей“.

Въ шестой главѣ проводится параллель между макрокосмомъ и микрокосмомъ: 1) твердыя части земли (скалы и камни) приравниваются костямъ человѣка или животнаго, 2) мягкія вещества земистой природы сравниваются съ мясомъ, 3) влажныя и теплыя вещества уподобляются мозгу и сѣмени, 4) вода въ рѣкахъ—крови въ жилахъ, 5) вода въ болотахъ и морѣ—жидкости во внутренностяхъ тѣла, 6) воздухъ—дыханію и 7) луна—грудобрюшной преградѣ. Смѣна красокъ на лицѣ человѣка сравнивается съ измѣненіемъ красокъ неба. Во второй части главы указывается на господствующую повсюду противоположность теплаго и холоднаго. Какъ можно заключить изъ другихъ мѣстъ, общимъ источникомъ холода нашъ авторъ считаетъ „нераздѣлимую твердь“ (изъ твердаго льда), которая окружаетъ всю вселенную, подобно тому какъ кожа покрываетъ тѣло животныхъ; общимъ же источникомъ теплоты является, по его мнѣнію, сфера чистаго эира, непосредственно примыкающая къ этой міровой оболочкѣ.

Глава VII: „Каждый животный индивидъ имѣетъ семь частей: 1) голову, 2) служащія орудіями руки, 3) внутренности и отдѣляющую ихъ грудобрюшную преграду, 4) 5) каналы полового члена для изліянія мочи и сѣмени, 6) задній проходъ для остатковъ пищи, и 7) служащія для движенія ляшки“.

Въ седьмой главѣ дается ученіе о частяхъ человѣческаго тѣла. Въ слѣдующей восьмой главѣ говорится о семи функціяхъ головы.

¹⁾ Въ арабскомъ переводѣ вмѣсто Юпитера лагинскаго перевода стоитъ Сатурнъ. По мнѣнію Гардера, здѣсь разумѣется солнце, которое благодаря своему быстрому движенію освѣщаетъ весь міръ и оживляетъ все въ мірѣ.

Глава VIII: „Самая голова въ цѣляхъ сохраненія жизни человѣка проявляетъ дѣятельность въ семи отношеніяхъ. А именно, въ ней находятся: 1) вдыханіе холоднаго воздуха, гдѣ послѣдній всегда находитъ доступъ¹⁾; 2) истеченіе теплоты отъ всего тѣла²⁾; 3) познание предметовъ посредствомъ глазъ; 4) способность слышать; 5) чувство обонянія; 6) доставленіе пищи и питья черезъ (ротъ) и воздушную трубу въ желудокъ; 7) чувство вкуса“.

Галенъ fol. 31 r: Одна часть пищи проходитъ въ желудокъ черезъ нѣбо, другая черезъ воздушную трубу для того, чтобы послѣдняя не становилась сухой и не затрудняла при разговорѣ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ древнихъ говорятъ, что черезъ воздушную трубу пища вовсе не входитъ“.

Сходная во многихъ отношеніяхъ съ даннымъ здѣсь ученіемъ теорія о значеніи головы встрѣчается въ псевдо-Гиппократовомъ подражаніи Гераклиту (см. 12 С 1). Ученіе о семи отверстіяхъ въ головѣ является весьма древнимъ народнымъ представленіемъ. Оно встрѣчается у китайцевъ, персовъ, евреевъ, магометанъ и т. д. Такъ, напримѣръ, по ученію магометанъ, Богъ сдѣлалъ въ тѣлѣ Адама девять отверстій, изъ нихъ семь въ головѣ его.

Глава IX: „Языкъ имѣетъ семь гласныхъ: альфа (α), эпсилонъ (ϵ), эта (η), іота (ι), омикронъ (\omicron), ипсилонъ (υ), омега (ω)“.

Глава X: „Равнымъ образомъ и душа дѣлится на семь частей. Ее составляютъ 1) теплота, которая въ теченіе семи дней образуетъ форму зародыша; эта теплота дѣйствуетъ въ упомянутые семь дней совершенно одинаково какъ у женщины-матери, такъ и у животныхъ; 2) прохлада воздуха, благотворно дѣйствующая (на теплоту, которая безъ нея стала бы дѣйствовать разрушительно); 3) влажность, распространенная по всему тѣлу; 4) элементъ земли, представляемый кровью, нуждающеюся въ питаніи; 5) горькіе соки, причиняющіе весьма мучительныя болѣзни; продолжительность послѣднихъ—семь дней; 6) всякая сладкая пища, переходящая въ субстанцію крови; 7) все соленое, уменьшающее удовольствіе. Это—семь естественныхъ частей души. Если человѣкъ разуменъ, то эти части сосуществуютъ одна возлѣ другой, не причиняя страданія; и если онъ все дѣлаетъ надлежащимъ образомъ, то въ теченіе всей своей жизни бываетъ здоровъ и духовно дѣятеленъ и живетъ довольно долго. А худымъ и беспорядочнымъ образомъ жизни грѣшатъ противъ самихъ себя и попадаютъ въ жестокія болѣзни и сильныя страданія. Такъ умираютъ люди отъ болѣзней по своей собственной винѣ, являясь сами виновниками своихъ страданій.“

Галенъ fol. 32 r: „Гиппократъ не стоитъ одиноко со своимъ мнѣніемъ, что душа дѣлится на семь частей. Также Платонъ и его приверженцы³⁾ упоминаютъ объ этомъ въ разныхъ сочиненіяхъ. Первой частью

¹⁾ Т. е. прежде всего имѣются въ виду ноздри, затѣмъ ротъ.

²⁾ Вѣроятно, подъ этимъ разумѣется выдыханіе (теплага воздуха изъ насъ), какъ можно думать изъ сопоставленія этого мѣста съ ученіемъ Анаксимена (см. 3 В 1).

³⁾ Равнымъ образомъ и стоики.

души является естественная теплота въ первое время по зачатіи. Развитие сѣмени у всѣхъ тварей одинаково въ первые семь дней“. Объ упоминаемомъ въ текстѣ „соленомъ, уменьшающемъ удовольствіе“ *Галенъ fol. 43 v*: „То-есть слизь, которая не питаетъ тѣла вслѣдствіе своего соленого свойства; скорѣе, скопляясь въ значительномъ количествѣ въ желудкѣ, она разстраиваетъ аппетитъ“.

Глава XI: „Равнымъ образомъ вся земля раздѣляется на семь частей: 1) головой и зрѣніемъ ея является Пелопоннесъ, мѣстожителство благородно мыслящихъ мужей; 2) Истмъ соотвѣтствуетъ спинному мозгу и шеѣ; 3) Іонія—грудобрюшная преграда; 4) Геллеспонтъ — ляшки; 5) еракійскій и киммерійскій Босфоръ—ноги; 6) Египетъ и египетское море—(верхъ) живота; 7) Черное море и Меотійское болото ¹⁾—низъ живота, (мочевой пузырь) и задній проходъ“.

Для доказательства древности выше приведеннаго сочиненія: „О числѣ 7“ В. Рошеръ приводитъ слѣдующія соображенія. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на *географическія представленія* автора сочиненія. Онъ указываетъ на примитивность данной имъ карты земли, въ которой земля сравнивается съ тѣломъ животнаго, на полное игнорированіе западныхъ греческихъ колоній (Сициліи и южной Италіи), Аѳинъ и Персіи, на упоминаніе сѣверныхъ и южныхъ колоній Милета, на особое значеніе, приписываемое авторомъ Іоніи и Спартѣ, и, наконецъ, на направленія вѣтровъ, указанныхъ въ его сочиненіи. Весьма характеристична *историко-политическая* точка зрѣнія автора. Неупоминаніе персидской міровой державы свидѣтельствуетъ, что сочиненіе написано до завоеванія Іоніи и разрушенія Милета персами въ 494 году. О принадлежности сочиненія шестому вѣку до Р. Хр. свидѣтельствуетъ также сравненіе Іоніи съ грудобрюшной преградой и Пелопоннеса съ головой міра. Дѣйствительно, въ VI вѣкѣ Іонія была центромъ матеріальной и духовной культуры. Іоняне занимали въ то время выдающееся мѣсто въ области науки, литературы, изящныхъ искусствъ, техники, промышленности, мореплаванія и торговли. Достаточно упомянуть объ ихъ заслугахъ въ области героическаго эпоса, элегіи и лирики, въ области архитектуры и пластики, объ ихъ техническихъ изобрѣтеніяхъ того времени (открытіе ими паянія мѣди и желѣза, закаливанія и размягченія металловъ посредствомъ огня и погруженія въ воду, изобрѣтеніе углометра, отвѣса, токарнаго станка, ключа и отливки металловъ), объ ихъ дѣятельности въ области наукъ (географіи, астрономіи, исторіи и др.; изобрѣтеніе солнечныхъ часовъ, глобусовъ, картъ земли) и связанной съ послѣдними философіи (Фалесъ, Анаксимандръ, Анаксименъ, Гераклитъ, Пифагоръ, Ксенофанъ, Анаксагоръ). Понятно, что сознаніе этихъ заслугъ могло привести іонійца къ признанію своей родины центромъ міровой культуры и къ

¹⁾ Т. е. Азовское море.

сравненію ея съ грудобрюшной преградой. Высокая сѣнка политическаго значенія Пелопоннеса въ связи съ полнымъ игнорированіемъ Аѳинъ указываетъ на время, когда всѣми греками признавалась гегемонія Спарты, т. е. на шестой вѣкъ. Сравненіе Пелопоннеса (т. е. Спарты съ ея пелопоннесскими союзниками) съ головой и глазами міра относится не только къ внѣшней формѣ страны, но и къ ея политическому значенію. Въ связи съ этимъ стоитъ упоминаніе о высокой доблести лакедемонянъ, которая также приурочивается къ шестому вѣку. Итакъ, географическая и историко-политическая точка зрѣнія автора обнаруживаетъ въ немъ милетца шестого вѣка до Р. Хр. Анонимность автора говоритъ противъ мнѣнія, что это—подложное сочиненіе болѣе поздняго времени, которому намѣренно придана архаическая окраска.

При анализѣ сочиненія со стороны его философскаго содержанія прежде всего можно замѣтить, что авторъ стоитъ на допифагорейской точкѣ зрѣнія. А именно, авторъ съ наивной односторонностью учитъ о повсемѣстномъ исключительномъ господствѣ *гебдомады* (числа 7), между тѣмъ какъ древнѣйшіе пифагорейцы признавали большое значеніе не только за числомъ 7, но также за 1, 4, 10 и другими. Но особенно характерно, что у нашего автора совершенно отсутствуютъ главнѣйшія древнепифагорейскія гебдомады (семь тоновъ и семь планетъ). Чѣмъ объяснить игнорированіе этихъ замѣчательныхъ гебдомадъ авторомъ, который повсюду старается отыскать господствующее во всемъ, по его мнѣнію, число 7? Онъ говоритъ о 7 сферахъ вселенной, о 7 частяхъ земли, о 7 частяхъ тѣла, о 7 функціяхъ головы, о 7 элементахъ души, о 7 вѣтрахъ о 7 временахъ года, о 7 опредѣляющихъ послѣднія свѣтилахъ (изъ которыхъ нѣкоторыя суть созвѣздія изъ 7 звѣздъ), о 7 возрастахъ (изъ которыхъ всѣ, кромѣ акме, по 7 лѣтъ), о 7 дняхъ образованія зародыша, о 7-дневной продолжительности болѣзней. Неупоминаніе имъ важнѣйшихъ пифагорейскихъ гебдомадъ можно объяснить лишь незнаніемъ ихъ: послѣднія еще не были открыты. Авторъ притомъ не знаетъ еще различія между планетами и неподвижными звѣздами и землю считаетъ неподвижнымъ центромъ земли. Такимъ образомъ и въ астрономіи онъ стоитъ на древнемилетской, допифагорейской точкѣ зрѣнія. Поэтому В. Рошеръ видитъ въ авторѣ сочиненія древняго милетца, который заполняетъ пропасть, существовавшую до сихъ поръ между милетскими натурфилософами и Пифагоромъ, образуетъ мостъ отъ первыхъ къ послѣднему.

Если сравнить ученія, даваемые въ сочиненіи: „О числѣ 7“ съ ученіями извѣстныхъ намъ представителей древнемилетской школы, то окажется рядъ существенныхъ совпаденій. вмѣстѣ съ Фалесомъ нашъ авторъ учитъ объ образованіи земли изъ воды. вмѣстѣ съ Анаксимандромъ и Анаксименомъ онъ принимаетъ основную противоположность тепла и холода и учитъ о неподвижно свободно парящей въ центрѣ вселенной землѣ. вмѣстѣ съ Анаксименомъ онъ проводитъ параллель между макрокос-

момъ и микрокосмомъ, говорить о дыханіи вселенной, принимаетъ ученіе о сгущеніи и разрѣженіи веществъ.

Но въ сочиненіи: „О числѣ 7“ мы находимъ и рядъ существенныхъ расхожденій съ извѣстными намъ ученіями древнихъ милетцевъ. Такова прежде всего позиція нашего автора въ ученіи о первовеществѣ. Галенъ въ своемъ комментарий утверждаетъ, что онъ признавалъ первовеществомъ огненный эфиръ, однако, изъ собственныхъ утвержденій нашего автора скорѣе можно вывести заключеніе, что онъ принимаетъ семь равноцѣнныхъ элементовъ (см. гл. X и VI). Ученіе о непреложности господствующихъ въ мірѣ законовъ носить у нашего автора математическую (ариѳметическую) окраску. И другія ученія нашего автора (семь сферъ, шаровидность земли и т. д.) не находятъ себѣ соотвѣтствія въ ученіяхъ извѣстныхъ намъ милетцевъ.

Вышеприведенныя мнѣнія В. Рошера о значеніи сочиненія: „О числѣ 7“ подвергъ серьезной критикѣ Г. Дильсъ¹⁾, который помѣщаетъ это сочиненіе между 450 и 350 гг. Тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, В. Рошеру удалось доказать, что существенная часть сочиненія: „О числѣ 7“ принадлежитъ неизвѣстному древнемилетскому философу, котораго мы склонны считать современникомъ Анаксимена. Однако, надо думать, въ это сочиненіе внесены нѣкоторыя позднѣйшія вставки, вслѣдствіе чего необходимо относиться съ осторожностью къ тѣмъ новымъ чертамъ, которыми должна была бы обогатиться древнемилетская философія въ случаѣ признанія нашего сочиненія ея достояніемъ.

Литературу о досократикахъ см. у Ибервега (Fr. Ueberwegs Grundriss d. Geschichte d. Philosophie, I Th., X Aufl., bearb. v. K. Praechter, 1909) и у А. Руге (A. Ruge. Die Philosophie d. Gegenwart, 3 тома). Въ десятомъ изданіи первой части Ибервега указана литература по 1908 г. вкл.; у Руге въ первомъ томѣ приведена литература за 1908 и 1909 гг., во второмъ за 1910 г. и въ третьемъ за 1911 г. Здѣсь же указаны также и сочиненія на русскомъ языкѣ (оригинальныя и переводныя). Болѣе раннюю русскую литературу по исторіи древней философіи см. у Прозорова въ его „Систематическомъ указателѣ“ по классической филологіи (по 1892 г. и прибавленія за 1893, 94 и 95 гг.), а также у арх. Гавріила въ шестомъ томѣ его „Исторіи философіи“ (1841). Изъ работъ послѣднихъ

¹⁾ H. Diels. Die vermeintliche Entdeckung einer Inkunabel der griechischen Philosophie (D. deutsche Literaturzeitung 1911 № 30.

²⁾ Fr. Ueberwegs Grundriss d. Geschichte d. Philosophie, I Th., X Aufl., bearb. v. K. Praechter, 1909.

лѣтъ заслуживающими наибольшаго вниманія могутъ быть признаны слѣдующія сочиненія:

К. Goebel. Die vorsokratische Philosophie 1910. Это сочиненіе представляетъ собой рядъ краткихъ монографій о досократикахъ. Значеніе досократической философіи авторъ видитъ въ томъ, что она „заключаетъ въ себѣ начала и основы западной науки“ и представляетъ „*μητέρα ἐξ ἀεί*“ (вѣчное приобрѣтеніе) научнаго знанія. Главнѣйшія положенія автора сводятся къ слѣдующему. Относительно многихъ открытій, приписываемыхъ Thalесу, можно доказать, что они ему не принадлежали. Такъ, на примѣръ, уже до Thalеса греки знали, что солнечный годъ имѣетъ $365\frac{1}{4}$ дней, и имъ уже были извѣстны солнцестоянія. Греческая геометрія въ своихъ начаткахъ идетъ отъ египтянъ, арифметика отъ финикянъ, астрономія и хронологія отъ вавилонянъ. Thalесъ—отецъ греческой философіи, такъ какъ онъ первый свелъ чувственное многообразіе вещей къ единому первоначеству и первый сталъ искать знанія ради знанія, а не изъ практическихъ цѣлей. Первоначество Анаксимандра не есть нѣчто среднее между элементами и не смѣсь вещей, но это—умопостигаемое, безконечное и вѣчное тѣло, въ которомъ всѣ различія заключены потенциально. Ксенофанъ не отождествлялъ бога съ міромъ. Вначалѣ Ксенофанъ принималъ два элемента: воду и землю, позже онъ училъ, что міръ образовался изъ одного элемента (изъ земли, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, на самомъ же дѣлѣ, думаетъ Гебель, изъ воды). Основная мысль Гераклита: всѣ вещи, существующія въ мірѣ, суть лишь части единаго цѣлаго, которое распадается на множество процессовъ и вещей, чтобы затѣмъ вновь соединиться въ одно цѣлое. Это единое сущее есть огонь. Въ традиціи грековъ Гераклитъ сталъ отцомъ ученія объ абсолютномъ теченіи вещей. На самомъ же дѣлѣ, Гераклитъ не принималъ ни абсолютнаго покоя, ни абсолютнаго измѣненія, но связывалъ состоянія покоя и движенія между собой. Гебель оспариваетъ мнѣніе Пфлейдерера, по которому цѣль философіи Гераклита—сдѣлать всеобщимъ состояніемъ возвѣщенную въ мистеріяхъ идею безсмертія.

P. Deussen. Allgemeine Geschichte der Philosophie mit besonderer Berücksichtigung der Religionen. II Bd., I Abt. Die Philosophie der Griechen 1911. Мѣсто досократической философіи въ общемъ ходѣ развитія греческой мысли авторъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ. Досократическій періодъ есть эпоха, въ которую познаніе имѣетъ своимъ объектомъ внѣшнюю природу. Невозможность найти на этомъ пути рѣшеніе міровой загадки приводитъ къ сомнѣнію въ существованіи объективной истины вообще (софисты). Затѣмъ Сократъ открываетъ для философскаго изслѣдованія новую область—внутренній опытъ. Испытавъ его вліяніе, Платонъ „соединяетъ великія системы досократическаго времени въ единое общее метафизическое зданіе“. Первоначальное міровоззрѣніе каждаго народа—религіозно-миеологическое. Прежде чѣмъ мысль разстанется съ теологическими воззрѣніями прежняго времени и предается непосред-

венному изслѣдованію дѣйствительности, проходитъ промежуточный періодъ, въ которомъ человѣческой духъ старается понять связь и происхождение міра подъ предпосылкой прежнихъ теологическихъ воззрѣній. Такъ, въ качествѣ предтечи философіи въ Греціи возникаютъ мифологическія космогоніи, изъ которыхъ главнѣйшія примыкають къ именамъ Гомера, Гезіода, Ферекида и орфиковъ. Первые философы ищуть принципа для объясненія природы; у милетцевъ этотъ принципъ матеріаленъ, у пифагорейцевъ формаленъ; впервые у элеатовъ принципъ становится умпостигаемымъ и метафизическимъ. Элеатскую философію Дейссенъ цѣнитъ особенно высоко: элеатами, по его мнѣнію, открывается центральное теченіе западной философіи, которое черезъ Платона, Аристотеля и средніе вѣка доходитъ до нашего времени. Ни съ кѣмъ изъ досократическихъ философовъ не стоитъ Платонъ въ столь внутреннемъ родствѣ, какъ съ Парменидомъ. Философія Платона есть непосредственное и органическое развитіе философіи элеатской. Парменидъ и Гераклитъ—два величайшихъ явленія досократической философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ двѣ крайнихъ противоположности.

A. Fischer. Die Grundlehren der vorsokratishen Philosophie (Grosse Denker, I Bd., 1911). Исходный пунктъ греческой философіи составляютъ, по мнѣнію автора, гомеровскіе, гезіодовскіе и орфическіе мифы. Но уже въ мифологическомъ объясненіи міра скрывается философская рефлексія. Философія до Сократа, несмотря на все разнообразіе направлений, представляетъ внутреннее единство въ постановкѣ проблемъ, которое обусловлено органическимъ единствомъ духовной жизни. Вся досократовская философія представляетъ собой отвѣтъ на два вопроса: 1) изъ чего возникаютъ всѣ вещи? 2) какимъ образомъ онѣ возникаютъ? Кульминаціонный пунктъ досократовской метафизики—Демокритъ.

F. M. Cornford. From religion to philosophy. A study in the origins of western speculation 1912. Авторъ смотритъ на религію и философію какъ на два послѣдовательныхъ фазиса человѣческаго отношенія къ міру (а не какъ на двѣ различныхъ области). Греческая философія развивалась въ формѣ двухъ параллельно идущихъ направлений, изъ которыхъ одно было чисто научнымъ и руководилось любознательностью, другое же носило практической характеръ, стремилось указать наилучшій путь жизни и оправдать вѣру передъ разумомъ. Справедливо уже Діогенъ Лаэртій устанавливаетъ два ряда греческихъ мыслителей, изъ которыхъ одинъ (іонійскій) идетъ отъ Анаксимандра, другой (италійскій) отъ Пифагора. Два указанныхъ философскихъ направленія могутъ быть поставлены въ связь съ двумя типами греческой религіи—олимпійской и діонисовой. Такимъ образомъ въ духовной жизни грековъ можно прослѣдить два потока: съ одной стороны, Гомеровская теологія и ея наслѣдница научная философія, къ которой авторъ относитъ Анаксимандра, Анаксимена, Анаксагора и атомистовъ; съ другой стороны, религіозный мистицизмъ и мистическая философія, къ которой отнесены Пифагоръ, Гераклитъ, Ксено-

фанъ, Парменидъ и Платонъ. Эмпедоклъ соединяетъ мистическую и научную точки зрѣнія на міръ. Что касается содержанія греческой философіи, то, по мнѣнію автора, оно не вышло за предѣлы религіознаго матеріала, послужившаго для нея исходнымъ пунктомъ. Философія лишь анализировала этотъ матеріалъ, различала въ немъ различные факторы и такимъ путемъ открывала въ немъ скрытыя противорѣчія и антиноміи, что и заставляло философовъ принимать одну альтернативу и отбрасывать другую. Греческая философія имѣла не творческій, а лишь аналитическій характеръ. Ея источникомъ не былъ реальный міръ вещей, ея системы возникли изъ анализа прежняго дофилософскаго міровоззрѣнія. Въ послѣднемъ авторъ видитъ плодъ коллективной мысли и считаетъ его отраженіемъ соціальной структуры примитивнаго человѣческаго общества. Въ этомъ міровоззрѣніи авторъ различаетъ слои, отражающіе различныя стадіи соціальнаго развитія, и устанавливаетъ первичную дорелигіозную стадію „чистой магіи“ и послѣдовательные слои „религіозной надстройки“. Построенія автора основаны на широкомъ соціологическомъ матеріалѣ и глубокомъ знаніи греческой религіи, однако, его толкованіе греческихъ философскихъ ученій часто не свободно отъ произвола.

O. Pfordten. Die Grundurteile der Philosophen. I Hälfte (Konformismus. Eine Philosophie der normativen Werte, 3-ья часть) 1913. Цѣль автора—прослѣдить, какія нормативныя цѣнности признавались въ исторіи философіи. По мнѣнію Пфордтена, за понятіями и сужденіями о бытіи всегда скрываются мысли о цѣнности. Основныя положенія каждой философской системы по своей внутренней сущности всегда суть сужденія о цѣнности. Въ свѣтѣ такого пониманія исторія философіи должна предстать передъ нами въ новомъ видѣ (особенно по сравненію съ гегеліанской панлогической схемой). Измѣняются и развиваются не понятія, но оцѣнки. Каждый новый періодъ характеризуется не новой логической позиціей относительно проблемъ, но измѣненіемъ прежней оцѣнки. Такимъ образомъ въ исторіи философіи мы будемъ имѣть не періоды логическаго развитія понятій, а періоды различныхъ оцѣнокъ, и мы получимъ инныя, новыя группировки философскихъ системъ. Такова основная точка зрѣнія автора, но ея проведеніе въ области досократическаго періода не даетъ никакихъ новыхъ существенныхъ результатовъ.

J. Burnet. Die Anfänge der Griechischen Philosophie, II Ausg. aus dem engl. übers. von E. Schenkel 1913. Нѣмецкій переводъ выдающейся работы Дж. Бернета, англійское второе изданіе которой вышло въ 1908 г. Цѣннымъ является здѣсь переводъ фрагментовъ и важнѣйшихъ свидѣтельствъ, въ которомъ Бернетъ неоднократно даетъ новое пониманіе греческаго текста. Въ оцѣнкѣ результатовъ новѣйшихъ монографическихъ изслѣдованій Бернетъ часто судитъ болѣе правильно, чѣмъ другіе крупные авторитеты въ нашей области: Целлеръ, Т. Гомперцъ, Таннери и др. (напр., его оцѣнка работъ Патина о Гераклитѣ). Весьма удачны также

отдѣльныя его мнѣнія о возникновеніи греческой философіи, о характерѣ древнѣйшей греческой космологіи и т. д.

Изъ новѣйшихъ сочиненій, посвященныхъ отдѣльнымъ мыслителямъ и вопросамъ, мы обратимъ вниманіе на работы J. Dörfler'a (*Die kosmogonischen Elemente in d. Naturphilosophie d. Thales* въ *Archiv f. Gesch. d. Philos.*, Bd. XXV; *Zur Urstofflehre d. Anaximenes* 1912; *Die Eleaten und die Orphiker* 1911), въ которыхъ указывается связь ранней греческой философіи съ древней теогонической и космогонической поэзіей, а также ея внутреннее родство съ орфической мистикой (въ пониманіи досократиковъ авторъ находится подъ вліяніемъ Гоэля). Упомянемъ также неудачную попытку Э. Лёва дать совершенно новое пониманіе философіи Гераклита въ слѣдующихъ работахъ: 1) *Heraklit im Kampfe gegen den Logos* 1908, 2) *Ein Beitrag zu Heraklits frg. 67 u. 4a* (*Archiv*, Bd. XXIII), 3) *Die Zweiteilung in d. Terminologie Heraklits* (*Archiv*, Bd. XXIV), 4) *Parmenides u. Heraklit im Wechselkampfe* (тамъ же), 5) *Das Fr. 2 Heraklits* (*Archiv*, Bd. XXV). По Э. Лёву, Гераклитъ не является представителемъ ученія о Логосѣ, но, напротивъ, онъ—самый рѣшительный противникъ этого ученія. Различіе между элеатами и Гераклитомъ образуетъ противоположность рационализма и эмпиризма (а не бытія и быванія). Сочиненія Парменида и Гераклита направлены другъ противъ друга. Парменидъ отдастъ предпочтеніе чистому мышленію, Гераклитъ наблюденію природы. Слово *λόγος* у Парменида значитъ „понятіе, или мысль“, у Гераклита—„пустое абстрактное понятіе“, между тѣмъ какъ *ἕνομα* у Гераклита значитъ „имя и сущность“, у Парменида—„несущественное названіе“. Терминологіи первыхъ философовъ посвящена статья: Bruno Jordan. *Beiträge zu einer Geschichte d. philosoph. Terminologie* (*Archiv*, Bd. XXIV). Въ ней изслѣдуется исторія термина „архэ“, который, по мнѣнію автора, у милетцевъ и Гераклита еще не имѣлъ Аристотелевскаго значенія: „принципъ“. Авторъ изслѣдуетъ также фрагментъ Анаксимандра и дѣлаетъ рядъ методологическихъ указаній по исторіи философской терминологіи.

Изъ прочихъ сочиненій послѣдняго времени наибольшаго вниманія заслуживаетъ Otto Gilbert. *Griechische Religionsphilosophie* 1911. Основными ученіями первыхъ іонійцевъ, по Гильберту, являются слѣдующія положенія: 1) вещество—вѣчно и неуничтожимо, 2) основныхъ формъ вещества—четыре: земля, вода, воздухъ, огонь, 3) эти формы переходятъ одна въ другую. Гильбертъ оспариваетъ мнѣніе Дюммлера, по которому ученіе о 4 элементахъ явилось позже, какъ результатъ суммированія первовеществъ, признававшихся первыми іонійскими философами, а также мнѣніе Груше, который предполагаетъ заимствованіе этого ученія съ Востока. По Гильберту, ученіе о 4 элементахъ извѣстно уже древнимъ греческимъ космологамъ и находится уже въ орфическихъ гимнахъ. Іонійское умозрѣніе стоитъ еще всецѣло на анимистической точкѣ зрѣнія, и все космическое развитіе понимается, какъ непрерывный рядъ

актовъ рожденія. Іонійское ученіе о бoгахъ отнюдь не было разрывомъ съ народной вѣрой, но попыткой глубже понять и обосновать послѣднюю. Высшій и послѣдній объектъ всего умозрѣнія Гераклита—его внутренняя жизнь. Міровоззрѣніе первыхъ іонійцевъ—монизмъ, міровоззрѣніе пифагорейцевъ—дуализмъ. Ксенофанъ также дуалистъ,—онъ признаетъ двѣ субстанціи: божество и матерію, которыя соединены между собой (божество органически срослось съ матеріей; во всѣхъ вещахъ божественная субстанція, неподвижно покоющаяся, органически связана съ вѣчно измѣняющейся матеріей). Общимъ результатомъ всего досократовскаго умозрѣнія является ученіе объ единой божественной субстанціи, которая пребываетъ тождественной при всѣхъ измѣненіяхъ міра явленій. У іонійцевъ это „единое сущее“ есть матерія, у пифагорейцевъ—форма, элеаты же связываютъ божественную единую субстанцію въ органическое единство съ теллургической матеріей.

Изъ краткихъ учебныхъ пособій по исторіи древней философіи заслуживаютъ вниманія:

Е. Zeller. Grundriss der Geschichte der Griechischen Philosophie, bearb. v. Lortzing, IX изд. 1908 (русскій переводъ С. Франка), X изд. 1911 (русск. пер. Н. Самсонова), XI изд. 1914.

Н. v. Arnim. Die Europäische Philosophie des Altertums (изъ „Allgemeine Geschichte der Philosophie“ въ „Kultur der Gegenwart“ I, 5) I изд. 1909, II изд. 1913. Имѣются два русскіихъ перевода (С. И. Поварнина 1910 и пер. подъ редакціей А. Введенскаго и Э. Радлова 1911).

A. Messer. Geschichte der Philosophie im Altertum und Mittelalter 1912.

Мы не упоминаемъ здѣсь превосходныхъ работъ Виндельбанда, Форлендера, Кюнемана, Кинкеля, Деринга, Нестле и др., такъ какъ ограничиваемъ свой обзоръ лишь литературными явленіями послѣднихъ трехъ лѣтъ (1910—13 гг.).

Изъ новѣйшихъ русскіихъ работъ упомянемъ „Курсъ исторіи древней философіи“ кн. С. Н. Трубецкого, „Исторію философіи“ М. М. Филиппова, „Историческое введеніе въ психологію“ Е. А. Боброва (излагаются также психологическія ученія досократиковъ), „Элеаты“ М. И. Мандеса (въ „Запискахъ Новоросс. Унив.“ 1911) и статьи въ сборникѣ *ΧΑΡΙΤΕΣ* проф. Е. А. Боброву (изъ которыхъ три касаются досократической философіи). Хронологическую „таблицу по исторіи древней философіи“ составилъ К. И. Сотонинъ.